

Игорь Фесуненко

БРАЗИЛИЯ

Футбольный карнавал

Игорь Сергеевич Фесуненко

Бразилия. Футбольный карнавал

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7068570
Игорь Фесуненко. Бразилия. Футбольный карнавал: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-73510-5

Аннотация

Нет другой игры, которой были бы так преданы люди самых разных стран. Но нет такой страны, в которой люди были бы так преданы футболу, как Бразилия. Футбол для бразильцев – это сама жизнь, наверно, даже немножечко больше, чем жизнь. И нет в России эксперта, который бы разобрался в бразильском футболе лучше Игоря Фесуненко – мэтра отечественной журналистики, беззаветно влюбленного в футбол и в Бразилию.

Книга, которую вы держите в руках, – пропуск в неповторимый мир бразильского футбола, яркая панорама его развития от первых робких шагов до ярчайших побед. Ее герои – футболисты и тренеры, скромные массажисты и звезды мирового уровня, футбольные воротилы и спортивные журналисты, арбитры и буйная торсида. Но главным ее героем является, конечно, Его Величество Футбол, служить которому почитал за честь сам великий Король – Пеле.

Содержание

История, которая жива. Вместо введения	4
Глава 1. Торсида	5
Драма на улице Мигель Лемос	5
«Вывихнуть» или «страдать»?	8
«Мы умираем чаще...»	9
«Матч пяти смертей»	10
Это начиналось так...	12
С ножом и пистолетом	14
Веслами по головам	16
Баллон над городом магия футболки	20
Он был готов умереть	22
Первая шаранга	23
«Fiel» означает «преданная»	25
Элиза и Бенедито	28
Не то, что нынешнее племя	29
«Ястребы» и «Мушкетеры» под грохот «батарей»	33
Время болеть и время умирать	36
Глава 2. Клуб	39
Предварительные замечания	39
Кого возят по железной дороге?	42
Только по-английски...	43
Да, были люди в наше время	45
Восемьдесят восьмой «Фла» – «Флу»	48
Вверх по лестнице, ведущей вниз	54
Нет повести печальнее на свете...	55
Ренато из Рио-Гранде	56
318-й «Фла» – «Флу»	57
Кто ими командует	59
На краю пропасти	61
Скандал в благородном семействе	63
Порок наказан, добродетель торжествует	64
Глава 3. Профессия – тренер	68
Нет пророка в своем отечестве...	68
Я по свету немало хаживал...	70
Первый блин, который комом...	72
И дым отечества нам сладок и приятен...	74
...Многие рыдали, как дети	75
Хорошо темперированный клавир	77
Инженеры человеческих душ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Игорь Фесуненко

Бразилия. Футбольный карнавал

История, которая жива. Вместо введения

По данным швейцарской фирмы NBS, которая организовала телетрансляции всех матчей 17-го чемпионата мира 2002 года, финальный поединок Бразилии и Германии смотрели 1,5 миллиарда телезрителей. Это – рекорд, не перекрытый ни финалом-2006 в Германии, собравшим «жалких» 715 млн зрителей по всему миру, ни финалом-2010 в ЮАР, аудитория которого едва перебралась за миллиард.

И в тот момент, когда на 67-й минуте Ривалдо пробил в левый от Кана нижний угол, вратарь бросился за мячом, отбил его, а набежавший Роналдо открыл счет, все эти полтора миллиарда пришли в движение. Кто-то кричал и плакал от восторга, кто-то рыдал и рвал на себе волосы от горя. Равнодушных и спокойных не было. Планета смотрела величайший матч в истории мировых турниров. Население земли превратилось в армию болельщиков. Или, как сейчас говорят, в торсиду.

Футбол – это не только двадцать два парня, которые гоняют по полю мяч. Это еще и тренеры, и врачи, и клубные чиновники, и судьи, и журналисты. Это – спонсоры, подбрасывающие деньги клубам. Несколько десятков тысяч болельщиков, страдающих на трибунах стадионов, и миллионы – затаивших дыхание перед экранами телевизоров. Страсть к футболу уже охватила всю планету, и каждый год умножается и растет на всех континентах армия болельщиков. Каждый из них – приверженец своей команды, российской или японской, французской или камерунской, мексиканской или австралийской. Но при всей несхожести взглядов и предпочтений вряд ли кто осмелится оспорить очевидную истину: единственным лидером мирового футбола является Бразилия. Потому что она – чемпион мира, потому что бразильцы играют в самый красивый и эффективный футбол, потому что Бразилия – единственная страна, участвовавшая во всех семнадцати мировых чемпионатах и победившая в пяти из них. Таких показателей нет и, возможно, никогда не будет ни у одной другой страны мира. Книжка, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, познакомит вас с ярким неповторимым миром бразильского футбола. Со всеми его компонентами, которые только что были перечислены. И рассказ этот мы начнем с главы, посвященной знаменитой бразильской торсиде.

Глава 1. Торсида

Драма на улице Мигель Лемос

Я видел это собственными глазами: стоявший совсем рядом со мной смуглый худой парнишка с глубокими следами оспы на лице дважды нервно хватал меня за локоть, потом отпускал со стоном отчаяния, и вдруг громко вскрикнул, тяжело задышал, словно финиширующий после марафона бегун, рванул майку, распарывая ее от подбородка до пояса, и бросился под несшийся по узкой улице желто-синий автобус линии «Урка – Леблон».

...Прежде чем рассказать, что было дальше, попробую описать место и причины этой драмы.

В тот день, 19 июля 1966 года, вся Бразилия – от самого южного поселка Чуи на границе с Уругваем до затерянного в амазонских джунглях у Французской Гвианы Ояпоке – жила футболом. Впрочем, «жила» – это не совсем точно. Бразилия «живет футболом» постоянно и повседневно. Но в тот прохладный зимний день страна скорее не жила, а умирала от вызванных любимым спортом потрясений. В Великобритании в разгаре был очередной чемпионат мира. И двукратные чемпионы бразильцы, победившие на двух предыдущих чемпионатах подряд, прибыли на землю туманного Альбиона за заветным «ТРИКАМПЕОНАТОМ».

С первого удара по мячу на этом турнире Бразилия замерла в предвкушении торжественного мига. Страна ждала заветного «ТРИ»! И поначалу казалось, что надежды сбываются: первый матч со сборной Болгарии бразильцы выиграли 2:0, голы забили их родные кумиры Пеле и Гарринча.

Но второй поединок был неожиданно проигран 1:3 превосходно игравшей венгерской команде. И теперь дальнейшая судьба «бикампеонов» стала зависеть от исхода третьей битвы – со сборной Португалии. Этот поединок нужно было выиграть во что бы то ни стало. И обязательно с перевесом в три мяча!

В те годы чемпионаты еще не транслировались по телевидению, и потому страна приготовилась слушать радиорепортажи из Ливерпуля, где играли «бикампеоны». Впрочем, что значит «приготовилась слушать»?! Бразилию охватило какое-то коллективное помешательство. С утра 19 июля все, абсолютно все бразильцы говорили только о футболе. С первых предраассветных часов предстоящему матчу посвящали свои программы все местные радиостанции. В ожидании трансляций из Ливерпуля, которые должны были начаться после полудня, местные комментаторы анализировали предстоящий матч, взвешивали шансы команд, пытались предугадать составы, сопоставляли силы соперников и сравнивали их возможности. На каждом шагу: на улицах и в автобусах, у газетных киосков, овощных и фруктовых лотков, в ботекинах и барах – за стопкой тростниковой водки – кашасы или кружкой пива, в кондитерских – за чашкой кофе, в прохладных банковских офисах и удушливых лавках бакалейщиков, в супермаркетах и скверах, в грязных забегаловках и сверкавших накрахмаленными скатертями ресторанах, словом, везде можно было видеть одну и ту же картину: люди с прижатыми к уху транзисторными приемниками и полностью отрешенными от всего окружающего лицами. Они вслушивались в скороговорку спортивных аналитиков. Они ждали начала матча. Они жили надеждой на чудо и верой в магическую силу своего «лучшего в мире» футбола.

Бразилец не может говорить о футболе, ждать футбола, смотреть футбол и вообще жить футболом в одиночестве. Ему обязательно нужно сопереживание, ему нужен друг, с которым можно разделить радость и горе, или соперник, с которым можно яростно схлестнуться. Учитывая это, бразильские радиостанции, ведущие трансляции из Англии, организовали на

площадях, в парках и скверах Рио, Сан-Паулу и других городов страны специальные площадки: на тротуаре или газоне сквера, на рыночной площади или в переулке воздвигался помост. На нем вывешивалось такое же, как на стадионах, громадное табло с составами играющих команд и с ячейками, в которых должно было фиксироваться каждое изменение в счете. Рядом с табло крепились мощные динамики, передававшие голоса комментаторов, ведущих репортаж оттуда, из Ливерпуля. Собиравшиеся перед такими помостами толпы соотечественников получали благодатную возможность (ну точно, как на трибуне «Мараканы» или «Пакаэмбу») делить плечом к плечу с соседом радость и горе, страдать и ликовать, рыдать и прыгать от счастья.

Друзья рассказывали мне, что на предыдущем чемпионате мира 1962 года, проводившемся в Чили, некоторые из организаторов таких коллективных футбольных бдений дошли даже до совсем удивительного изыска. На нескольких таких площадках, отведенных для коллективных прослушиваний репортажей, рядом с динамиком укреплялось громадное электрифицированное табло, расчерченное как футбольное поле, и перемещавшийся по нему под звуки радиорепортажа огонек электролампочки пытался показать зрителям точку, где в данное мгновение находился мяч...

На сей раз, в июле шестьдесят шестого года, я таких ухищрений нигде в Рио не обнаружил, но радиофицированных площадей и перекрестков было в этом городе полным-полно. Матч с Португалией, о котором идет речь, я слушал в толпе, собравшейся на углу улицы Мигель Лемос и Копакабаны у подмостков с громкоговорителями и табло, на котором фиксировались составы команд и отмечались изменения в счете.

К тому времени прошло чуть больше месяца после моего приезда в Рио. Я только-только начинал осматриваться, привыкать к какой-то совершенно невероятной жизни в этом удивительном городе, приютившемся под раскинутыми руками бетонного Христа на горе Корковадо на берегу бескрайней Атлантики. Я еще не успел ничего толком понять в этом странном и загадочном мире, так сильно отличающемся от привычного нашего. И не знал еще пока, что небольшая улочка Мигель Лемос, спускающаяся по кварталу Копакабаны от горы Кантагало к пляжу, издавна (как мне впоследствии объяснил все это мой незабвенный друг Жоан Салданья) является излюбленным местом встреч местной торсиды, любимой точкой предматчевых и послематчевых сборищ футбольных фанатов южных кварталов Рио.

И вполне естественно, что именно на пересечении Мигель Лемос с авенидой Наша сеньора Копакабана был установлен один из крупнейших в городе помостов для радиотрансляций из Ливерпуля, где сражалась за «ТРИ» любимая команда бразильцев. Именно здесь, на углу Мигель Лемос и разыгралась на моих глазах трагедия, достойная пера Шекспира. И говорю об этом без тени преувеличения! И без всякого сарказма, потому что никакой сарказм, юмор или улыбка тут совершенно неуместны. Потому что речь действительно идет о трагедии.

...Бразилии, как было сказано, надлежало или умереть, или выиграть у португальцев три мяча. Третьего было не дано. Бразилия безапелляционно и безжалостно проигрывала этот бой.

15-я минута: Симоэс – 0:1! Тяжелый вздох навис над толпой.

Теперь нужно забивать уже не три, а четыре гола...

24-я минута: Эусебио – 0:2!

Рыдания и стоны потрясают торсиду. Еще одним черным мазком на эту симфонию всеобщего горя накладывается лихорадочный крик репортеров о травме Пеле, за которым безжалостно охотятся португальские защитники. «...И при возмутительном попустительстве британского арбитра Маккейба!..» – гневно восклицают репортеры.

Слезы. Яростно сжатые кулаки. Крики отчаяния и боли.

Забитый за двадцать минут до конца гол Рилдо вызывает на мгновение всплеск надежды, которая тут же гаснет: всем ясно, что это провал. Четыре гола в оставшееся время не забить! Катастрофа. Крушение мечты.

Десять минут до конца поединка.

Из окон домов начинают сыпаться клочки черной бумаги. В знак траура и печали. Яростно рвутся петарды, приготовленные для того, чтобы отметить победу. Рыдают девушки. Мужчины сжимают кулаки и беззвучно глотают скупые слезы, вперяясь невидящими взглядами в безжалостное табло.

Седой старик, сидящий у моих ног, чертит угольком на тротуаре какие-то загадочные знаки и раздувает дымок от тлеющего пряным ароматом пучка сухой травы. Видать, творит языческий обряд. Взывает к своим идолам или покровителям, к святым или дьяволам с мольбой о помощи. О помощи, которая не приходит.

За пять минут до конца все та же «Черная пантера» Эусебио забивает в ворота бразильцев третий мяч.

И тут разыгрывается драма, с описания которой я начал этот рассказ: совсем рядом молодой мулат с лицом, усеянным оспинами, с мозолистыми руками, в пластиковых шлепанцах на босу ногу, рвет майку на груди и с криком бросается под автобус.

Боги пощадили безумца. Каким-то чудом водитель уводит яростно визжащую тормозами тяжелую машину в сторону и умудряется затормозить в сантиметре от столба, на котором мигает желтым светом, словно сигнал бедствия, заклинившийся, видимо, тоже под воздействием всеобщей национальной драмы, светофор.

Мулатика поднимают, встряхивают, шлепают по щекам.

А над толпой все так же отчаянно и трагично, все так же на грани рыдания звенят голоса репортеров-соотечественников, сообщающие оттуда, из Ливерпуля, о крушении всех надежд.

Свисток судьи, возвещающий об окончании матча. Словно удар молотка, вгоняющий в гроб последний гвоздь. На табло приговор: 1:3!.. Горестный стон торсиды. Взрывы петард. И этот мой сосед, вроде бы уже пришедший в себя и неосторожно отпущенный сердобольными сострадальцами, снова кидается под машину. На сей раз под легковую: «Фольксваген»-«жучок».

Тут боги, видимо, тоже отвлеченные ливерпульской трагедией, уже отвернулись от мулатика: взвизгнув тормозами, машина бьет несчастного по ногам, парень взлетает вверх и с пронзительным криком падает на капот.

...Я видел это собственными глазами. На перекрестке улицы Мигель Лемос и авенидой Наша сеньора Копакабана 19 июля 1966 года.

Так я впервые ощутил накал страстей вокруг футбола в этой необычной стране, с которой судьба связала меня на долгие годы.

И в тот момент мне отчаянно захотелось понять, почему с такой силой бразильцы отдаются этой самоубийственной страсти?

Именно об этом: о полной и безоглядной поглощенности футболом, о том, к чему приводит эта национальная страсть, о ее благотворных и негативных последствиях, о ее влиянии на жизнь страны и на судьбы людей и пойдет речь в этой книге.

Начнем же рассказ с самого начала. С объяснения слова «торсида», которое стало для нас, русских людей, едва ли не самым известным и, пожалуй, самым популярным словом из загадочного, мало кому знакомого португальского языка. Именно на нем, на португальском, и говорят в Бразилии.

«Вывихнуть» или «страдать»?

Итак «ТОРСИДА». Откуда оно, это странное слово, возникло?

Звучное и хлесткое (пишется по-португальски: «torcida»), оно давно уже пришло к нам, в Россию. И не без участия автора этих строк, который широко пользовался им в своей первой книге, посвященной бразильскому футболу и изданной еще в 1970 году. Слово это понравилось, прижилось, вошло в нашу жизнь, в наш лексикон, видимо, навсегда. Самое время поэтому задуматься для начала о его происхождении, о его семантических корнях.

Образовано оно от португальского глагола «torcer», который в соответствии с утвержденным Бразильской академией словесности «Малым бразильским словарем португальского языка» означает: «вывихнуть», «скручивать», «сгибать», «крутить», «портить», «развращать», «запутывать», «заставлять кого-либо менять направление или курс», «отказываться от задуманного», «подчинять»... и еще целый ряд значений, большинство из которых столь же специфичны и, скажем прямо, малопривлекательны. Лишь на одном из последних мест в этом перечислении значится: «спорт.: болеть». Вот так...

Видимо, это не случайно. Ведь и в самом деле: «болеть» – означает проделывать над собой именно то, что столь скрупулезно перечислено в словаре. И многое другое. В частности и в первую очередь: «страдать»...

Между прочим, известен и самый первый случай употребления этого глагола применительно к футбольным переживаниям. Где-то в самые первые годы прошлого века, когда футбол только-только начинал обретать популярность и первые репортеры выезжали на первые футбольные матчи, в их отчетах еще почти не было места описанию собственно футбола, поскольку футбол тогда интересовал репортеров гораздо меньше, чем публика, которая начинала заполнять трибуны. В основном на матчи приезжали либо на своих экипажах, либо на конке (в Бразилии она называлась «бонде») друзья или родственники игроков, а также члены клубов, на базе которых возникали футбольные команды, и их друзья или родственники. Вылазка на футбол была «выходом в свет». И наряды этих гостей, их разговоры, анекдоты, слухи и сплетни, которые собирались репортерами на трибунах, были, естественно, куда интереснее, чем непонятная беготня двух десятков парней за одним мячиком там, внизу, на поле... Но случилось, что подруга или сестра кого-нибудь из футболистов вдруг начинала принимать близко к сердцу то, что происходило перед ее глазами. Не потому, что она лучше других разбиралась в стратегии и тактике футбольной игры (если в те времена еще можно было говорить о какой-то «стратегии» или «тактике»), а просто потому, что вдруг видела, как ее возлюбленный получал по ногам, падал, корчился от боли. Возможно, именно в такой момент один из репортеров подметил и описал в своей заметке девушку, которая «нервно скручивала перчатки, переживая происходящее на этом поле для foot-ball...».

И в одной из следующих своих заметок с футбольного матча он снова вспомнил эту девушку, которая принималась «torcer», то есть «нервно крутить» свои перчатки. Это выражение понравилось, его подхватили другие писаки, оно стало кочевать из газеты в газету, и в конце концов, благодаря извечной любви бразильцев к крылатым выражениям, к лихим оборотам, к поэтическим метафорам, прижилось. Отсюда и появилось собирательное значение болельщиков как «торсиды». Со временем оно стало общеупотребительным в Бразилии, а потом и в десятках других стран, в том числе и в России.

«Мы умираем чаще...»

Всю эту гамму переживаний, выраженных глаголом «torcer», один бразильский публицист остроумно выразил в форме призыва торседора, обращающегося к жене накануне очередного футбольного сезона с такими словами:

«Чемпионат начинается, жена...Все! Отныне и до декабря не рассчитывай на мое участие в воскресных обедах со своей мамашей. Теперь буду кушать пораньше и что-нибудь легкое. Лишь бы обмануть желудок. Доктор говорит, что перед матчем нельзя слишком плотно наедаться. Приходится слушаться доктора, жена. Ведь война чемпионата слишком жестока и безжалостна, и чтобы победить в ней, необходимо соблюдать режим.

И не стоит, моя дорогая, говорить, что я смешон, что я преувеличиваю! Да, я не играю, не бегаю за мячом, но ты же знаешь: нам, торсиде, приходится гораздо труднее, чем игрокам. И торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу...

Да, жена, начинается священная война, и впереди у меня масса забот. Я буду свистеть и сам буду освистан, буду забивать голы и пропускать их, я буду плакать и смеяться... Поэтому, жена, смирись с моим отсутствием по воскресеньям. Но прежде чем отправиться с сестрой или тещей в кино, не забудь поставить для меня бутылку пива в холодильник. И таблетку «Мельорала» от головной боли – на тумбочку у моей кровати. Пиво, чтобы отметить победу, лекарство – на случай поражения.

Но никому не говори про таблетку, потому что друзья начнут смеяться надо мной. И потому что думать о проигрыше перед матчем – плохая примета».

Такой вот страстный и взволнованный монолог.

Ну а если кто-нибудь из вас, уважаемые читатели, полагает, что фраза «...Торседорес умирают чаще, чем те, кто бегают там, внизу» является заведомым преувеличением, что это – всего лишь поэтическая гипербола, расскажу такую историю.

«Матч пяти смертей»

6 марта 1958 года в Сан-Паулу на стадионе «Пакаэмбу» в рамках традиционного турнира сильнейших команд Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу встречаются старые и непримиримые соперники: «Сантос» и «Палмейрас». Одно из самых традиционных и непримиримых дерби бразильского футбола, которое всегда гарантирует жаркую борьбу, вулканические эмоции на трибунах и любые неожиданности на табло.

В тот осенний мартовский день пятьдесят восьмого года именно так все и происходило. На поле и на трибунах. И чтобы выразить нашим земным языком страсти, бушевавшие на поле, на трибунах и во всем городе и штате Сан-Паулу, нужен гений Шекспира. Не обладая таким даром, автор этих строк ограничится лишь конспективным, протокольным изложением происходивших на поле событий:

8-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), 1:0.

10-я минута, гол «Сантоса» (он забит еще неизвестным за пределами Бразилии, всего лишь подающим надежды семнадцатилетним Пеле), 1:1.

25-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 2:1.

26-я минута, гол «Палмейраса» (Нардо), 2:2.

33-я минута, гол «Сантоса» (Дорвал), 3:2.

42-я минута, гол «Сантоса» (Пепе), 4:2.

44-я минута, гол «Сантоса» (Пагао), 5:2.

Перерыв... Прервемся и мы и посмотрим еще раз на табло. Итак, после первого тайма «Сантос» ведет 5:2.

– И теперь скажите мне, пожалуйста: разве у кого-нибудь могут возникнуть сомнения по поводу окончательного исхода поединка? – такой вопрос задал финансовый директор клуба сеньор Сиро Коста, рассказывая мне историю десять лет спустя, когда я однажды в его кабинете ожидал игрока «Сантоса» Зито, который должен был отвезти меня на загородную базу этого клуба для встречи с Пеле.

Я, разумеется, согласился, что никакого сомнения тут быть не может.

– И все мы так думали, – продолжил рассказ Сиро Коста. – Я уже начал подсчитывать, каким будет «бишо», то есть премия за победу, и как мне придется по справедливости разделить между нашими игроками выделенную под победу премиальную сумму.

– И парни наши, – продолжает Сиро Коста, – не сомневались в победе. Некоторые спрашивали у меня, каким будет «бишо». Кое-кто уже рассказывал, радостно смеясь, как он собирается израсходовать эту сумму...

Начинается второй тайм. В котором события развиваются весьма неожиданным образом. Вновь перехожу к телеграфно-протокольному изложению событий:

16-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), 3:5.

19-я минута, гол «Палмейраса» (Паулиньо), 4:5.

27-я минута, гол «Палмейраса» (Маззола), ничья 5:5.

35-я минута, гол «Палмейраса» (Уриас), «Палмейрас» ведет 6:5.

...К этому моменту среди торсиды уже были зарегистрированы три смерти: на трибунах стадиона погибли от разрывавших душу эмоций два болельщика (один «сантист», другой – торседор «Палмейраса»), а в городе умер от тяжелого инфаркта третий, ехавший в автобусе с транзистором, излучавшим смертельную радиацию репортажа...

Но впереди еще десять минут игры.

37-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), ничья 6:6.

В этот момент в городе Кампинасе (в ста километрах от Сан-Паулу) умирает от разрыва сердца четвертый болельщик, слушавший вулканический радиорепортаж с «Пакаэмбу».

41-я минута. Гол «Сантоса» (Пепе), 7:6, победа «Сантоса», конец матча и... с финальным свистком судьи Жоана Этцеля погибает пятый болельщик. И тоже от инфаркта.

И тут нужно заметить, что, несмотря на обилие голов и накал борьбы, никто из футболистов не получил серьезных травм. Все остались живы и здоровы. Погибли лишь пять болельщиков.

И потому в историю бразильского футбола этот поединок вошел под названием «матч пяти смертей».

И теперь самое время задуматься, почему люди способны на такие реакции? Почему, с какой стати эта страшная в своей неудержимости сила не только приводит их на стадионы, но и толкает подчас на гибель?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нужно для начала разобраться, как же родилась и сформировалась бразильская торсида, выражающая такие эмоции?

Это начиналось так...

Первая игра в футбол состоялась в Бразилии в 1890 году в городе Белем, лежащем в устье Амазонки. Играли там англичане: моряки стоявшего на рейде Белема судна и местные инженеры, работавшие по контрактам. В Сан-Паулу первый футбольный матч был зафиксирован 14 апреля 1895 года. Присутствовали на нем 60 болельщиков, точнее сказать, любопытствующих зевак, с интересом наблюдавших за этим странным зрелищем. Никаких чрезвычайных происшествий, тем более смертельных случаев, в тот день зафиксировано не было. Так же, как и на первом матче в истории Рио-де-Жанейро, который состоялся 1 августа 1901 года. Там за ходом событий наблюдали всего полтора десятка зрителей.

Видимо, вряд ли эту кучку энтузиастов, случайно забредших на диковинное игрище (а скорее всего приглашенных самими футболистами), можно считать первыми торседорес. Думаю, будет правильно предположить, что формирование торсиды в Бразилии началось с того момента, когда на матчи начали продаваться билеты, то есть сам факт посещения футбола уже превращался в акт определенного самопожертвования. Имеется в виду некоторая денежная сумма.

Первый такой поединок с платными зрителями был организован через год после возникновения первого в Рио футбольного клуба «Флуминенсе» на его поле – 16 июля 1903 года. Билет стоил два мильрейса. Не так уж и дешево. Столько же, учтите, стоил билет в местную Оперу! На эти деньги можно было хорошо прокатиться на извозчике либо купить две бутылки шикарного итальянского вина или килограмм хорошего французского сливочного масла (датское, выше классом, стоило уже три мильрейса). Либо упиться пивом. Так нет же: нашлись все-таки целых 969 человек, которые решились израсходовать эту сумму на просмотр футбольного матча! А вместе с родственниками и друзьями футболистов (которые, естественно, прошли на матч без билетов) на той игре присутствовали около двух с половиной тысяч зрителей! Цифра, которую, заметим, и сегодня-то далеко не всегда регистрируют контролеры стадионов даже на матчах больших клубов. (Например, 20 ноября 1996 года на матче еще формально сохранявшего тогда звание чемпиона Бразилии-95 «Ботафого» с командой «Витория» присутствовало... 162 болельщика. Это был рекордно низкий показатель посещаемости в национальном чемпионате того года.)

Возвращаясь к истокам бразильского футбола и к первым росткам формировавшихся в начале века торсид, напомним очень важную для понимания этих давних событий деталь. В те времена сама футбольная игра была еще уделом элиты: студентов, молодых адвокатов, юных выходцев из самых «сливок» общества. Оно и понятно: ведь первые футбольные команды формировались в рамках аристократических клубов типа «Пайссанду» в Рио или «Германия» в Сан-Паулу. Они издавна практиковали вполне добропорядочные спортивные увлечения: гимнастику и крикет, гольф или греблю. А по выходным дням или праздникам устраивали для своих членов шикарные балы, на которых полагалось появляться в смокингах и вечерних туалетах. Одна только сумма вступительного взноса в такой клуб, превышавшая годовую зарплату рабочего или мелкого чиновника, сама по себе служила надежным барьером, предохранявшим от проникновения туда нежелательной публики. Не говоря уже о необходимости представления обязательных и авторитетных рекомендаций, о строгом процессе отбора кандидатов. Ни о каких неграх и мулатах в таких клубах, так же как и об их появлении на футбольных полях, и речи в те годы идти не могло!

Все это и предопределило социальный состав зрителей, располагавшихся в прошлые времена на трибунах первых бразильских стадионов. Публика эта, нужно признать, совсем не походила на ту, что мы видим сегодня на трибунах «Мараканы», «Лужников» или «Сантьяго Бернабеу». То были почтенные джентльмены в сюртуках и элегантных соломен-

ных шляпах: отцы, старшие братья и друзья резвившихся на поле игроков. И их матери, сестры и подружки: в изящных платьях с кринолинами и кружевами, с веерами из страусиных перьев, благоухавшие французскими духами, шелестевшие шелками, трепетавшие зонтиками. Неудивительно поэтому, что, как я уже сказал, попадавших иногда на матчи репортеров (так же, как и читателей их продукции) гости на трибунах интересовали гораздо больше потных парней, носившихся по полю за мячом. В отчете о первом поединке «Фламенго» и «Флуминенсе», состоявшемся 7 июля 1912 года, газета «О Паис» писала: *«Несмотря на имевшие в этот день место turf и rowing, очень многочисленное избранное общество собралось все же на field, где состоялась meeting».*

Да, действительно, в те времена газеты имели обыкновение вдохновенно перечислять наиболее примечательные фигуры, изволившие почтить своим присутствием эту странную забаву, детально описывали туалеты дам, рассказывали о слухах и анекдотах, которыми перебрасывались на трибуне представители «общества», созерцавшие матч. Ну, а иногда случалось, что в конце такой заметки сообщался и результат поединка.

Постепенно эта загадочная, но чертовски увлекательная британская игра football начала завоевывать симпатии публики и отбирать зрителей у самых популярных воскресных развлечений: скачек, гребли, крикета и парусных регат. Стало модным ходить на матчи. Стало престижным отдавать свои симпатии любимому клубу. И декларировать эту свою любовь ленточками с цветами любимого клуба, которые укреплялись на соломенных шляпах. Причем это были не просто ленточки, купленные, извините меня за предположение, в галантерейной лавке за углом. Нет! Это были ленточки, заказанные в Англии! Вот так...

С НОЖОМ И ПИСТОЛЕТОМ

Хотя негров и мулатов держали вдали от футбольных клубов, но запретить им глазеть на матчи было невозможно. И если «чистая» публика гордо восседала на плетеных креслах трибун, то плебс вынужден был толкаться на так называемой «geral» – узкой полоске стоячих мест вдоль ограды, отделявшей трибуны от зеленого газона «field», на котором резвились «бэки», «халфы» и «форварды». (В футболе тогда царила только английская терминология.)

И почему-то именно там, на этой «жерал», появлялись самые горячие, самые страстные и верные поклонники «Фламенго», «Флуминенсе» и других «больших» клубов. Хотя в фавелах, на рабочих окраинах, в северной зоне Рио, где жил незнатный люд, тоже начали создаваться свои команды, свои клубы, но плебс поначалу с особым удовольствием отдавал свои симпатии клубам-«грандам» с их «академиками», как называли тогда футболистов. (Еще бы! Во «Фламенго», выигравшем свои первые чемпионаты Рио в 1914–1915 годах, из четырнадцати игроков основного состава восемь были студентами медицинского факультета местного университета, четверо – юридического и только двое были не студентами, а сыновьями богатых бизнесменов!)

В историю «Флуминенсе» вошла экзотическая пара его первых знаменитых торседоров: Шико Гуанабара и Овидио Дионизио. В день матча своего клуба эти два могучих негра, принаряженные, благоухающие дешевой туалетной водой, спускались из фавелы. Надо было видеть этих денди! Физиономии тщательно выбриты. Вокруг шеи – яркие платки, белоснежные, безупречно отглаженные брюки аккуратно заправлены в начищенные до блеска сапоги, из-за отворотов которых торчали ручки длинных ножей. Парни, естественно, отправлялись на «жерал»: Шико стоял всегда в первом ряду, облокотившись небрежно на ограду, а громадный Овидио, прозванный почему-то Джонсоном, торчал позади. Чтобы не закрывать другим футбольного поля. Но если кто-то поблизости вдруг ронял неосторожное словцо в адрес любимого «Флу», Шико выхватывал нож, а Овидио сжимал кулак. И все, и точка! Дискуссии или насмешки тут же прекращались.

А клуб «Сан-Кристован» был известен в те годы столь же экспансивным торседором по кличке Пернета (Безногий). Это был одноногий мулат, в любой драке пускавший в ход свой костыль. А иногда и нож... Однажды он чуть было не прирезал президента «Ботафого» Пауло Азередо, которого спас от расправы тренер «Сан-Кристована» Луис Виньяс, утихомиривший «народного мстителя».

Такой же рыцарь был тогда и у «Ботафого»: негр Мануэль Моторнейро. Однажды его клуб играл в гостях, в северном пригороде Рио, против «Бангу». За победу вручался весьма красивый кубок. Матч был выигран «Ботафого», но разъяренная местная торсида с громкими воплями «Выиграли, но не получите!», вооружившись палками, ножами и камнями, окружила палатку, где «ботафогенсес» передевались после игры. Расправа была бы ужасной, если бы не Мануэль. Он выхватил пистолет, встал перед входом в палатку и крикнул, что застрелит каждого, кто сделает шаг вперед.

Как взбесившиеся, желающие полакомиться мясом дрессировщика тигры, торседорес «Бангу» теснились вокруг «Ботафого», ругаясь, крича, проклиная обидчиков и так и не решаясь сделать роковой шаг. Осада продолжалась около часа, пока не подоспел вызванный кем-то отряд полиции, вызволивший пленников. Их отконвоировали до платформы пригородного поезда, они сели в вагон и тут же легли на пол, ибо в окна вагона полетели камни.

Элитарность тех первых футбольных клубов-грандов приводила иногда к совершенно невероятным ситуациям. Однажды, это было еще в двадцатые годы, хозяева «Флуминенсе», после отчаянных споров и колебаний, решились-таки пойти на нарушение неписаного, но святого закона: из «Америки» во «Флу» был приглашен светлый мулат Карлос Альберто.

Уж больно хорошо играл, мерзавец! Впрочем, пока он играл во второй команде «Америки», никто не обращал внимания на смугловатость его кожи. А тут вдруг его определяют в первый состав «Флу» – едва ли не самого аристократического клуба!

Нет, вы представьте себе всю невероятность ситуации: рядом с «академиками» этот мулат должен был выбегать на поле и, как это было принято в те годы перед началом матча, подбегать к главной трибуне и дружно, вместе с командой скандировать несколько раз, обращаясь к той шикарной публике, к тем вылощенным сеньорам в котелках с трехцветной ленточкой из Лондона, к тем нежным и хрупким девочкам под зонтиками, к их мамашам, затянутым в корсеты из китового уса:

«Гип-гип-ура! Гип-гип-ура!»

И слушать в ответ снисходительно-доброжелательные рукоплескания.

И еще раз представьте себе: вся команда – белая, как подвенечный наряд, а он, Карлос Альберто... Ах, черт возьми!

Терзаясь и смущаясь, парень попытался найти выход: перед первым своим появлением на поле он тщательно запудрил лицо рисовой пудрой.

Выбежали, подбежали к трибуне, прокричали.

Трибуны ответили вежливыми хлопками и девичьим повизгиванием. Все нормально.

Потом разбежались по своим позициям, судья дал свисток, игра началась, и тут... спустя уже несколько минут (старавшийся не ударить в грязь лицом Карлос Альберто носился по полю, не жалея сил) по вспотевшему лицу его эта проклятая пудра потекла вместе с каплями пота, да так, что лицо сначала стало полосатым, как у зебры, а потом и вовсе открылась та самая природная, так компрометирующая его смуглость. Кошмар!

И это, естественно, тут же заметили на трибунах. И торсида соперников – те самые болельщики «Америки», которые не хотели простить ему «предательства», начали вдруг скандировать: «Po de Arroz!», что означало: «Рисовая пудра!».

Не будем гадать, что творилось в те минуты в душе отверженного. Но заметим, что как-то неожиданно это название «Рисовая пудра» так и прилипло к команде и торсиде «Флуминенсе». И вскоре с каждым появлением «трехцветных» игроков на поле соперники на трибунах начали встречать их дружным криком: «Po de Arroz!» Это продолжалось и тогда, когда Карлос Альберто перестал играть. Торсида «трехцветных» сначала возмущалась, а потом вдруг как-то неожиданно приняла это прозвище, сделала рисовую пудру своим «фирменным знаком» и стала появляться на матчах с... запасами этого продукта, используя его для расцвечивания атмосферы: тысячи легких бумажных мешочков, запущенных вверх, разрывались и окутывали трибуны пьянящим серо-белым туманом.

Этот обычай, кстати сказать, сохранился и до сих пор. Помнится, на последнем «Фла» – «Флу» (так для краткости и лихости именуется дерби «Фламенго» и «Флуминенсе»), которое я видел на «Маракане» в ноябре 2001 года, при появлении своей команды из туннеля торсида «Флу» буквально погрузила весь стадион в туман рисовой пудры. Точно так, как я это наблюдал на первом моем «Фла» – «Флу» три десятка лет назад.